

Голубев Денис Сергеевич

Golubev Denis Sergeevich

кандидат политических наук,
доцент кафедры американских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета

PhD in Political Science, Associate Professor,
American Studies Department,
Saint Petersburg State University

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗИРОВАННОГО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО КОНФЛИКТА: О НЕДОСТАТОЧНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ ВНЕШНИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ [1]

CONCEPTUALIZATION OF INTERNATIONALIZED INTRASTATE CONFLICT: MOVING BEYOND THE ROLE OF EXTERNAL STATE-BASED ACTORS [1]

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о необходимости концептуального обновления в научном понимании феномена интернационализации внутригосударственных вооруженных конфликтов. Автор дает характеристику современному концептуальному наполнению данного явления, ограниченному изучением роли внешних государственных акторов в динамике внутреннего конфликта. Подобные редуцированные рамки позволили ученым определить вариативность форм, стратегий, мотиваций и последствий внешнего вмешательства, однако оставили за скобками ряд важных международных, транснациональных и кросс-границных проявлений внутригосударственного организованного насилия, без которых его понимание нельзя считать полноценным. Автор доказывает необходимость инкорпорирования в концептуальные и методологические рамки интернационализации конфликтов пространственного измерения, связанного с изучением физического расползания насилия и его последствий, и системного измерения, позволяющего обнаружить взаимосвязи между динамикой насилия на субнациональном уровне и международными процессами на системном уровне. Такое обновление концептуализации и, как следствие, операционализации данного феномена позволило бы по-новому взглянуть на общепринятый набор факторов, которыми обычно объясняют вероятность интернационализации вооруженных конфликтов.

Ключевые слова:

вооруженный конфликт, гражданская война, интернационализация конфликта, интервенция, диффузия конфликта, системная эскалация.

Summary:

The paper addresses the issue of the scientific reconceptualization of the phenomenon of intrastate armed conflict internationalization. The author gives an overview of the contemporary conceptual landscape of studying this phenomenon which is limited to factoring the role of external actors into the dynamics of internal conflict. Such rudimentary framework proves sufficient for revealing the variety of forms, strategies, motivations, and consequences of external intervention but omits a number of significant international, transnational, and cross-border manifestations of intrastate organized violence that are indispensable for understanding thereof. The author argues for incorporating a spatial dimension (a study of the physical spread of violence and its spillovers) and a systemic dimension (interplay between the violence dynamics at the subnational level and international processes at the systemic level) into the conceptual and methodological framework of conflict internationalization. Such reconceptualization and consequently re-operationalization of the phenomenon will allow one to review the conventional set of factors that can determine the probability of internationalization of armed conflicts.

Keywords:

armed conflict, civil war, conflict internationalization, intervention, conflict diffusion, systemic escalation.

Введение. Международные измерения политически мотивированного внутригосударственного вооруженного насилия вызывают значительный интерес в научном сообществе. Академическая литература, посвященная «внешним» аспектам гражданских войн, получила бурное развитие с начала 1990-х гг. в основном благодаря распространению внутригосударственных конфликтов с очевидным международным участием в Южной Европе, на постсоветском пространстве, в Африке и на Ближнем Востоке.

В то время как в международном гуманитарном праве различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами носит в большей степени формальный характер, в междисциплинарной области изучения проблем конфликтов и мира сложная социально-политическая природа данного явления и широкая вариативность его эмпирических проявлений привели к категоризации так называемого «интернационализованного внутригосударственного конфликта». Хотя строгого научного определения данного феномена не существует, компромиссное понимание его сути зафиксировано в классификации, принятой в рамках Уппсальской про-

граммы данных по конфликтам, в соответствии с которой *интернационализированный внутренний вооруженный конфликт* (*internationalized internal armed conflict*) протекает между правительством государства и оппозиционной (-ми) группой (-ми) при одновременном вмешательстве других государств (в качестве вторичных акторов) в пользу одной или обеих сторон [2].

Однако совокупность теоретических и эмпирических знаний, накопленных к настоящему времени о динамике внутригосударственного организованного насилия, позволяет поставить вопрос о недостаточности данных концептуальных рамок для понимания того, как и почему структура внутригосударственного конфликта расширяется, приобретая международное измерение. В статье предпринята попытка, зафиксировав текущее состояние научных знаний о роли внешних акторов в гражданских войнах [3], обосновать необходимость обновления концептуализации феномена интернационализированного внутреннего конфликта за счет инкорпорации иных, прежде всего пространственных и системных, измерений.

Что мы знаем о роли внешних акторов во внутригосударственных вооруженных конфликтах? Хотя проблемы превращения внутренних вооруженных конфликтов в драйверы межгосударственных вооруженных столкновений стали объектом пристальных научных изысканий относительно недавно [4], различные аспекты вмешательства внешних акторов в ход гражданских войн (интервенций) уже достаточно хорошо изучены [5]. Нацеленность внешних акторов на тот или иной исход внутреннего конфликта связана с конкретными стратегическими интересами или идентичностными факторами и обуславливает вмешательство на стороне или центрального правительства (группы, контролирующей правительство), или вооруженной оппозиции. Формы и уровни вмешательства могут варьировать от прямой военной интервенции до относительно низкоинтенсивных и малозатратных стратегий поставок оружия и оказания логистической помощи как открыто, так и тайно, а также предоставления финансовой, политической и дипломатической поддержки одной или обеим воюющим сторонам. Если вмешательство направлено на поддержку оппозиции и приобретает форму прямой военной интервенции, внутригосударственный конфликт может фактически трансформироваться в межгосударственный.

Одним из ключевых аспектов механизма интервенции является процесс принятия соответствующего решения (о том, вмешаться или нет в ход вооруженного конфликта в другом государстве), которое всегда зависит от пересечения двух фундаментальных условий – мотивации и возможности. Наличие последней для интервенции может быть связано с ситуацией, характеризующей объект вмешательства (ослабление охваченного гражданской войной государства), субъект вмешательства (политическая поддержка или отсутствие сопротивления решению со стороны оппозиционных сил и (или) общественного мнения), а также ограничения внешней среды (отсутствие блокирующих условий со стороны международного сообщества на региональном либо глобальном уровне). Мотивы для интервенции обычно определяются в научной литературе как *инструментальные* (геополитические интересы, территориальные амбиции, экономическая выгода, внутривнутриполитическая повестка дня и др.), *аффективные* (исторические обиды, родственная этническая и религиозная идентичность, расово-культурная близость, общие идеологические принципы и др.) либо являются комбинацией этих двух типов. В связи с этим оценка мотивации в конкретизированных исторических примерах вмешательства внешних акторов обычно ограничивается одним из следующих общих сценариев.

1. *Оппортунистическая интервенция.* Такое вмешательство обычно направлено против центральных властей и нацелено на использование внутренней нестабильности в государстве, являющемся стратегическим противником, для его ослабления или смены правящего режима посредством прямой военной кампании либо через оказание помощи оппозиционным группам, в том числе при задействовании их в качестве прокси-акторов [6].

2. *Оборонительная интервенция.* Такое вмешательство обычно имеет место со стороны государства, расположенного по соседству с охваченной гражданским конфликтом страной, и может быть нацелено, во-первых, на предотвращение кросс-границных перемещений вооруженных групп (например, считающихся террористическими) и потоков беженцев из государства-объекта [7], во-вторых, на пресечение нарушений границы со стороны сил безопасности государства-объекта, преследующих оппозиционные отряды в пограничных районах [8].

3. *Охранительная интервенция.* Данный сценарий может базироваться как на аффективных мотивах, так и на инструментальных. Традиционно в научной литературе, посвященной динамике гражданских войн, охранительная интервенция интерпретировалась в качестве попытки оказания помощи родственной этнической группе, находящейся под угрозой в условиях внутригосударственного конфликта в стране-объекте [9]. Подобная этническая солидарность особенно акцентуируется в ситуации так называемого «этнического альянса», когда группа, составляющая большинство населения в государстве – субъекте интервенции, одновременно является непризнанным меньшинством в государстве-объекте и ее участие в гражданской войне воспринимается как борьба за выживание против репрессивного режима [10], что провоцирует вмешательство, как правило, на стороне оппозиции [11].

Однако охранительная интервенция может быть вызвана и инструментальными мотивами, связанными, например, с заинтересованностью внешнего актора (субъекта интервенции) в сохранении у власти в государстве-объекте правящего режима и, как следствие, с готовностью вмешаться в ход гражданской войны для предотвращения его падения [12]. При этом аффективные и инструментальные мотивации в данном сценарии не являются взаимоисключающими и вполне могут сочетаться в определенных ситуациях, еще больше повышая вероятность интервенции.

4. *Ирредентистская интервенция.* Такое вмешательство имеет место, когда в гражданской войне в государстве-объекте задействованы сепаратистские цели, а лидеры оппозиционной группы апеллируют к элите родственной этнонациональной группы, находящейся у власти в государстве-субъекте, с целью вынудить последнюю (или по ее инициативе) осуществить военное вмешательство и добиться инкорпорации спорной территории в свой состав [13].

Кроме того, согласно результатам некоторых исследований, принятие решения о вмешательстве во внутригосударственный конфликт со стороны государства-субъекта во многом определяется сочетанием таких его характеристик, как институциональная конфигурация и этнический состав. При этом из всех возможных комбинаций этническое многообразие вкупе с жесткими институциональными ограничениями на выработку государственной политики оказывает наибольший сдерживающий эффект на принятие решения о вмешательстве во внутренние конфликты других государств [14]. Дальнейшее изучение взаимосвязи этнического состава государства-субъекта и вероятности интервенции показало, что этнически гетерогенные государства с доминантной этнической группой более склонны к вмешательству во внутренние этнические конфликты в других странах, чем этнически гомогенные или этнически гетерогенные государства без доминантной группы [15].

Если интервенция все-таки происходит, она чаще всего приводит к увеличению как продолжительности гражданской войны [16], так и ее интенсивности [17], а также вероятности возобновления в будущем [18]. Результаты исследования Б. Джоунса показывают, что выбор стратегии и времени военного вмешательства в развитие гражданской войны имеет фундаментальное значение для ее исхода с точки зрения того, становится ли она затяжной или нет и заканчивается ли она победой правительства либо оппозиции или же мирным соглашением [19].

Недавние исследования также дают основания полагать, что традиционная дифференциация между нейтральной медиацией как стратегией третьей стороны, направленной на управление конфликтом, с одной стороны и предвзятым вмешательством для поддержки одного из участников конфликта с другой стороны не вполне корректно отражает дилемму выбора для таких внешних акторов и нуждается в более интегральном понимании. В частности, как демонстрируют Р. Корбетта и М. Мейлин, внешние акторы, имеющие существенный интерес в протекающем гражданском конфликте и располагающие соответствующими ресурсами, более склонны задействовать двойственные стратегии вмешательства, включающие в себя как предвзятые принудительные методы, так и непредвзятые непринудительные [20].

О необходимости обновления концептуального понимания феномена интернационализации конфликтов. При всей значимости проанализированной научной базы представляется, что ограничение концептуальной репрезентации феномена интернационализации внутренних конфликтов лишь изучением мотиваций, возможностей, стратегий, динамики и последствий вмешательства внешних государственных акторов редуцирует наше понимание международных аспектов внутригосударственного организованного насилия. Отчасти данная проблема объясняется семантическими особенностями использования категории «*интервенция*» (*intervention*), которой и ограничиваются проявления интернационализации, включаемые западными авторами в операционализацию рассматриваемого феномена. При этом в такую операционализацию обычно не включаются многочисленные проявления, которые можно было бы отнести к категории «*вмешательство*» (*interference*), в том числе разные не прямые и не всегда кинетически фиксируемые влияния. Это диссонирует с подходами некоторых российских авторов, например С.М. Маркедонова, прослеживающего связь между «размораживанием» конфликтов на постсоветском пространстве и вмешательством внешних акторов, что привело к трансформации всей евразийской системы безопасности в 2000-е гг. [21]. Кроме того, подобные редуцированные концептуальные рамки оставляют за скобками интегративного понимания не только важные международные проявления внутригосударственных конфликтов, но также транснациональные и кросс-границные.

Первым аспектом, подлежащим инкорпорированию в научное представление об интернационализации конфликта, является его *пространственное (географическое) разрастание*, которое может как быть связано с вмешательством внешних акторов, так и являться самостоятельным измерением. Статистическая значимость различных проявлений пространственной эскалации внутригосударственных конфликтов (кросс-границные перемещения беженцев, оружия и наемников, спорадические кросс-границные перетекания насилия, разрушение пограничной инфраструктуры и др.) в качестве факторов, опосредующих внешнее вмешательство, подтверждена многочисленными исследованиями.

В частности, подобные дестабилизирующие для соседних государств последствия могут вызвать эффект «заражения» (т. е. повысить риск зарождения собственного внутреннего конфликта) [22], что в свою очередь воспринимается ими как угроза собственным интересам и повышает вероятность вооруженной интервенции в государство-источник для обуздания там гражданского насилия [23]. При этом Дж.Д. Катман утверждает, что в такой ситуации решение соседнего государства о вмешательстве в гражданскую войну в государстве-источнике связано не только с интересами в зоне данного конкретного конфликта, но и с более широкими региональными интересами, которым может угрожать его пространственное расползание [24].

Кроме того, согласно результатам исследований, полученным Б. Атцели, международная норма нерушимости государственных границ, увековечивающая состояние слабости/несостоятельности отдельных государств, может способствовать перерастанию внутреннего конфликта в международный. В частности, слабое государство неспособно расселить и интегрировать входящие потоки беженцев из зоны вооруженного конфликта в соседней стране, а следовательно, предотвратить инфильтрацию и нападения со стороны военизированных групп, составленных из таких беженцев, против государства-источника, вынуждая власти последнего прибегнуть к ответным силовым действиям [25, р. 152].

Хотя внешнее вмешательство во внутренний конфликт, мотивированное риском его диффузии, обычно направлено на предотвращение кросс-границного перетекания насилия и его последствий, оно может быть не только следствием, но и причиной пространственной эскалации. Так, результаты исследований Д. Пексена и М.О. Лоунсбери демонстрируют, что интервенции в поддержку оппозиции повышают риск «заражения» соседних государств, в то время как интервенции на стороне официальных властей, наоборот, снижают этот риск в региональном масштабе [26].

Вторым аспектом, изучение и фиксация которого важны для понимания природы интернационализации конфликтов, является ее *международно-системное измерение*. Разрастание внутригосударственного насилия может затрагивать интересы не только соседних территорий, но и системно значимых акторов как в региональном, так и в глобальном масштабе, изменять распределение мощи и влияния на международной арене, встраиваться в устоявшиеся диады стратегического соперничества между отдельными державами, вызывать повышенный интерес и внимание со стороны международного сообщества и – как следствие всего перечисленного – воздействовать на вероятность внешней интервенции.

Эта смычка между системной эскалацией внутригосударственного конфликта и возможностью внешнего вмешательства аналитически может быть упорядочена посредством имеющегося концептуального инструментария, разработанного в рамках различных теорий прокси-конфликтов (прокси-войн). Типичная структура последнего может быть представлена как результат не прямой интервенции со стороны минимум двух внешних сил (государств), которые одновременно с этим находятся в состоянии стратегического соперничества или конфронтации друг с другом, при том что они оказывают поддержку противоположным участникам внутреннего конфликта. Такая структура стала обычной в период холодной войны в силу понимания двумя сверхдержавами пагубности прямого взаимного столкновения. Неслучайно, согласно результатам исследования М.Дж. Финдли и Т.К. Тео, когда одно из государств в диаде стратегического соперничества уже вмешалось в ход какой-либо гражданской войны на стороне официального правительства, вероятность вмешательства другого государства диады на стороне оппозиции повышается в 11 раз. Когда изначальное вмешательство одной стороны стратегической диады происходит в поддержку оппозиции, вероятность ответного вмешательства другой ее стороны в поддержку официальных властей возрастает в 4 раза [27].

В большинстве случаев существующая стратегическая диада поглощает зарождающийся внутригосударственный конфликт, в результате чего последний начинает встраиваться в системное противостояние более высокого уровня (например, войны во Вьетнаме и Афганистане в эпоху холодной войны, война в Ираке 2003–2011 гг., ставшая ареной противостояния между США и Ираном, и др.). В других ситуациях стратегическое соперничество только формируется (или обостряется) и начинает проецироваться на затяжные внутригосударственные конфликты, меняя их динамику (в частности, влияние современной системной эскалации между Россией и США на некоторые хронические региональные конфликты).

Причем прокси-структура может быть не только замкнута на внутренний конфликт в третьем государстве, но и представлять собой своеобразное зеркальное кросс-вмешательство, когда обе стороны стратегической конфликтной диады оказывают прямую или косвенную поддержку внутренним оппозиционным силам (в том числе вооруженным повстанцам) друг друга (примером может служить использование некоторыми ближневосточными правительствами курдского меньшинства в соседних странах для ослабления стратегических противников при одновременной борьбе с проявлениями курдского национализма в пределах собственных границ).

Такие непрямые попытки взаимной дестабилизации позволяют избежать более рискованной альтернативы, связанной с прямой военной конфронтацией [28]. В этом смысле Э. Мамфорд, внесший большой вклад в концептуальное осмысление феномена прокси-войн, делает акцент на различении прямого вмешательства, мотивированного готовностью нести бремя помощи на основе обязательств военного союза, и непрямого прокси-вмешательства, обусловленного стремлением, наоборот, избежать издержек прямого участия в конфликте [29, р. 16].

Однако такая структура может быть и асимметричной (однаправленной), если возможности оказания помощи вооруженной оппозиции соперника есть лишь у одной из сторон стратегической диады (например, в условиях отсутствия мобилизованной вооруженной оппозиции у другой стороны). В обоих случаях глубоко интернационализированный внутригосударственный конфликт замещает собой традиционную войну между национальными государствами в качестве более распространенной формы организованного насилия в международной среде.

Заключение: перспективы применения обновленной концептуализации в дальнейших исследованиях. Таким образом, устоявшееся в науке представление об интернационализации внутригосударственных вооруженных конфликтов как о вмешательстве внешних акторов нуждается в дополнении и уточнении. Изучение мотивации и возможностей для интервенции внешних сил во внутренний конфликт, а также ее различных форм и последствий продвинулось достаточно далеко и позволяет описывать типовые сценарии подобной интервенции, а также факторы, определяющие ее вариативность. Однако вмешательство внешних акторов тесно связано с рядом других международных, транснациональных и кросс-граничных проявлений внутригосударственного насилия, исследование которых необходимо для понимания того, как и почему внутригосударственный конфликт приобретает международное измерение.

В связи с этим концептуализация феномена интернационализированного внутригосударственного конфликта должна быть дополнена как минимум двумя аспектами. Во-первых, пространственное расползание организованного насилия и его последствий (кросс-граничные перетекания военных действий, потоки оружия, наемников и беженцев) не только делает внешнюю интервенцию более вероятной, но и само по себе способно дестабилизировать соседние государства. Во-вторых, системная эскалация внутреннего конфликта может оказывать влияние на международные процессы и структуры в рамках региональной или даже глобальной системы и без прямой вооруженной интервенции в конфликт внешних акторов, хотя ее взаимосвязь с вероятностью такой интервенции посредством феномена прокси-конфликта также эмпирически подтверждена.

Инкорпорация данных измерений (пространственного и системного) в концептуальные рамки научного понимания интернационализации конфликтов не только более корректно отражает природу этого явления, но и имеет огромное значение для последующих работ по данной проблематике. В частности, она требует новой операционализации категории интернационализированного конфликта в количественных исследованиях: во-первых, за счет включения в нее эмпирически фиксируемых пространственных и системных проявлений, во-вторых, за счет дезагрегации между ними и вмешательства внешних акторов при кодировании зависимых переменных, описывающих классификацию вооруженных конфликтов на внутренние, внутренние интернационализированные и международные.

Практическое приложение предлагаемого подхода может привести к реоперационализации и обновлению кодирования тех классификаций вооруженных конфликтов, которые основаны на базах Уппсальской программы данных по конфликтам [30]. В частности, ряд современных вооруженных конфликтов, классифицируемых в рамках переменной «тип конфликта» (*type of conflict*) как внутригосударственные (*internal* / тип 3), были бы перекодированы в категорию интернационализированных (*internationalized internal* / тип 4) в силу имеющих место проявлений непрямого вмешательства, пространственной эскалации или международных системных влияний. В качестве примеров можно привести следующие конфликты:

– между правительством Государства Израиль и движениями ФАТХ, ХАМАС, «Исламский джихад» (в силу значимых системных проявлений в масштабах всего мусульманского мира, а также непрямого участия Катара и Ирана);

– между правительствами Египта, Ливана, Туниса, Филиппин и группировками, аффилированными с так называемым «Исламским государством», запрещенным в РФ, в 2015–2017 гг. (в силу международной помощи соответствующим правительствам по линии военных, спецслужб и сил правопорядка);

– между правительством Мали и коалицией туарегских и арабских племен в 2012–2014 гг. (из-за значительных трансграничных потоков оружия и наемников);

– между правительством Турции и Курдской рабочей партией в период после 2011 г. (в силу тесного переплетения с сирийским конфликтом из-за кросс-граничных связей между курдскими общинами севера Сирии и юго-востока Турции).

В то же время дезагрегация данной классификации для тех конфликтов, которые уже отнесены или должны быть отнесены к *внутренним интернационализированным* (тип 4), позволила бы дифференцировать различные аспекты данного явления в следующих глубоко интернационализированных конфликтах:

– сирийский (*международный аспект* – прямая интервенция РФ, США и Турции, непрямая интервенция Ирана; *пространственный аспект* – потоки беженцев в Турцию, Ливан, Иорданию и страны Европы, входящие и исходящие потоки оружия и боевиков из других стран региона Северной Африки и Ближнего Востока и обратно; *системный аспект* – «проксификация» на региональном и глобальном уровнях);

– ливийский (*международный аспект* – прямая интервенция НАТО в 2011 г., не прямое вмешательство Египта, ОАЭ, Катара и других акторов после 2011 г.; *пространственный аспект* – входящие и исходящие потоки оружия и наемников из стран Сахеля, Северной Африки и Ближнего Востока и в эти страны, взаимосвязь с конфликтами в Мали, Судане, северном Нигере и северном Чаде; *системный аспект* – «проксификация» по линии стратегического соперничества между Катаром и ОАЭ, дестабилизирующие системные последствия превращения ливийской территории в хаб средиземноморских миграционных потоков).

Результатом такой реоперационализации (дифференцированного кодирования отдельных аспектов явления вместо одной агрегированной переменной) могут стать изменение представления о полученных ранее статистических взаимосвязях между вероятностью интернационализации внутрисударственного конфликта и факторами социально-политической реальности (социально-экономическим благосостоянием и состоятельностью государства, его политическим режимом и институциональным дизайном, этическим составом, транснациональными идентичностными связями и т. д.), их уточнение и существенное дополнение.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-314-00006.
2. UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook [Электронный ресурс] : version 18.1 // Uppsala Conflict Data Program (UCDP). 2018. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-181.pdf> (дата обращения: 28.12.2018).
3. В соответствии с общепринятой категоризацией в рамках Уппсальской программы, для методологической фиксации вооруженного конфликта минимальным порогом является цифра в 25 жертв за календарный год, для фиксации гражданской войны – 1000 жертв за календарный год, при этом жертвы должны быть непосредственно вызваны боевыми действиями.
4. См., например: Gleditsch K.S., Salehyan I. Civil War and Interstate Dispute // Resources, Governance and Civil Conflict / ed. by M. Öberg, K. Strom. L. ; N. Y., 2007. P. 58–76 ; Gleditsch K.S., Salehyan I., Schultz K. Fighting at Home, Fighting Abroad: How Civil Wars Lead to International Disputes // Journal of Conflict Resolution. 2008. Vol. 52, no. 4. P. 479–506. <https://doi.org/10.1177/0022002707313305>.
5. В качестве одного из наиболее полных обобщающих метаисследований можно назвать следующую работу: Regan P. Interventions into Civil Wars: A Retrospective Survey with Prospective Ideas // Civil Wars. 2010. Vol. 12, no. 4. P. 456–476. <https://doi.org/10.1080/13698249.2010.534632>.
6. Brown M.E. The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict // The International Dimensions of Internal Conflict / ed. by M.E. Brown. Cambridge, Mass., 1996. P. 571–601 ; Findley M., Teo T.K. Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach // Journal of Politics. 2006. Vol. 68, no. 4. P. 828–837. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x> ; Maoz Z., San-Akca B. Rivalry and State Support of Non-State Armed Groups (NAGs), 1946–2001 // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56, no. 4. P. 720–734. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2012.00759.x>.
7. См., например: Cooper R., Berdal M. Outside Intervention in Ethnic Conflicts // Survival. 1993. Vol. 35, no. 1. P. 118–142. <https://doi.org/10.1080/00396339308442677>.
8. См. например: Brown M.E. Op. cit.
9. Carment D., James P. Explaining Third-Party Intervention in Ethnic Conflict: Theory and Evidence // Nations & Nationalism. 2000. Vol. 6, no. 2. P. 173–202. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2000.00173.x> ; Moore W.H., Davis D.R. Transnational Ethnic Ties and Foreign Policy // The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation / ed. by D.A. Lake, D.S. Rothchild. Princeton, NJ, 1998. P. 89–103 ; Saideman S.M. The Ties That Divide: Ethnic Politics, Foreign Policy, and International Conflict. N. Y., 2001. <https://doi.org/10.7312/said12228>.
10. Davis D.R., Moore W.H. Ethnicity Matters: Transnational Ethnic Alliances and Foreign Policy Behavior // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 41, no. 1. P. 171–184. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00037> ; Woodwell D. Unwelcome Neighbors: Shared Ethnicity and International Conflict During the Cold War // Ibid. 2004. Vol. 48, no. 1. P. 197–223. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00297.x>.
11. В связи с этим феномен так называемой «гуманитарной интервенции» и выросшая из него концепция «обязанности защищать», которым посвящены отдельные пласты научной литературы, могут быть интерпретированы как смежный с охранительным типом сценарий интервенции с той оговоркой, что номинально они не предполагают заинтересованности в победе одной из сторон, а призваны лишь защитить жертв насилия или предотвратить его эскалацию, хотя практика таких интервенций оказывается намного более противоречивой.
12. В качестве одной из новейших теоретических разработок по проблеме см.: Quirk P.W. Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. N. Y., 2017. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-47419-9>.
13. См., например: Van Evera S. Nationalism and War // Nationalism and Ethnic Conflict / ed. by M.E. Brown. Cambridge, Mass., 1997. P. 36–60.
14. Carment D., James P., Taydas Z. The Internationalization of Ethnic Conflict: State, Society, and Synthesis // International Studies Review. 2009. Vol. 11, no. 1. P. 63–86. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x>.

15. Huibregtse A. External Intervention in Ethnic Conflict // *International Interactions*. 2010. Vol. 36, no. 3. P. 265–293. <https://doi.org/10.1080/03050629.2010.502447>.
16. Akcinaroglu S., Radziszewski E. Expectations, Rivalries, and Civil War Duration // *International Interactions*. 2005. Vol. 31, no. 4. P. 349–374. <https://doi.org/10.1080/03050620500303449> ; Cunningham D.E. Blocking Resolution: How External States Can Prolong Civil Wars // *Journal of Peace Research*. 2010. Vol. 47, no. 2. P. 115–127. <https://doi.org/10.1177/0022343309353488> ; Regan P. Third-Party Interventions and the Duration of Intrastate Conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 2002. Vol. 46, no. 1. P. 55–73. <https://doi.org/10.1177/0022002702046001004>.
17. Lacina B. Explaining the Severity of Civil Wars // *The Journal of Conflict Resolution*. 2006. Vol. 50, no. 2. P. 276–289. <https://doi.org/10.1177/0022002705284828>.
18. Karlen N. The Legacy of Foreign Patrons: External State Support and Conflict Recurrence // *Journal of Peace Research*. 2017. Vol. 54, no. 4. P. 499–512. <https://doi.org/10.1177/0022343317700465>.
19. Jones B. Altering Capabilities or Imposing Costs? Intervention Strategy and Civil War Outcomes // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61, no. 1. P. 52–63. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw052>.
20. Corbetta R., Melin M. Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. July 27. <https://doi.org/10.1177%2F0022002717720754>.
21. Маркедонов С.М. Региональные конфликты: перезагрузка // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 5. С. 92–106.
22. Объяснение данного феномена см. в предыдущем исследовании: Голубев Д.С. Диффузия внутригосударственных вооруженных конфликтов посредством модели эпидемиологического заражения Кермака – Маккендрика: оправдана ли концептуальная аналогия? // *Теории и проблемы политических исследований*. 2016. Т. 6, № 6А. С. 7–17.
23. Kathman J.D. Civil War Contagion and Neighboring Interventions // *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54, no. 4. P. 989–1012. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x> ; Lemke D., Regan P.M. Interventions as Influence // *The Scourge of War: New Extensions on an Old Problem* / ed. by P.F. Diehl, A. Arbor. Michigan, 2004. P. 145–168.
24. Kathman J.D. Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. Vol. 55, no. 6. P. 847–876. <https://doi.org/10.1177/0022002711408009>.
25. Atzili B. When Good Fences Make Bad Neighbors: Fixed Borders, State Weakness, and International Conflict // *International Security*. 2006–2007. Vol. 31, no. 3. P. 139–173. <https://doi.org/10.1162/isec.2007.31.3.139>.
26. Peksen D., Lounsbury M.O. Beyond the Target State: Foreign Military Intervention and Neighboring State Stability // *International Interactions*. 2012. Vol. 38, no. 3. P. 348–374. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.676516>.
27. Findley M.G., Teo T.K. Op. cit.
28. Maoz Z., San-Akca B. Op. cit. ; Salehyan I. The Delegation of War to Rebel Organizations // *Journal of Conflict Resolution*. 2010. Vol. 54, no. 3. P. 493–515. <https://doi.org/10.1177/0022002709357890>.
29. Mumford A. *Proxy Warfare*. Malden, Mass., 2013. 180 p.
30. UCDP/PRIOR Armed Conflict Dataset [Электронный ресурс] : version 18.1 // Uppsala Conflict Data Program (UCDP). 2018. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads/#d3> (дата обращения: 28.12.2018).

References:

- Akcinaroglu, S & Radziszewski, E 2005, 'Expectations, Rivalries, and Civil War Duration', *International Interactions*, vol. 31, no. 4, pp. 349-374. <https://doi.org/10.1080/03050620500303449>.
- Atzili, B 2006-2007, 'When Good Fences Make Bad Neighbors: Fixed Borders, State Weakness, and International Conflict', *International Security*, vol. 31, no. 3, pp. 139-173. <https://doi.org/10.1162/isec.2007.31.3.139>.
- Brown, ME 1996, 'The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict', in ME Brown (ed.), *The International Dimensions of Internal Conflict*, Cambridge, Mass., pp. 571-601.
- Carment, D & James, P 2000, 'Explaining Third-Party Intervention in Ethnic Conflict: Theory and Evidence', *Nations & Nationalism*, vol. 6, no. 2, pp. 173-202. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2000.00173.x>.
- Carment, D, James, P & Taydas, Z 2009, 'The Internationalization of Ethnic Conflict: State, Society, and Synthesis', *International Studies Review*, vol. 11, no. 1, pp. 63-86. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x>.
- Cooper, R & Berdal, M 1993, 'Outside Intervention in Ethnic Conflicts', *Survival*, vol. 35, no. 1, pp. 118-142. <https://doi.org/10.1080/00396339308442677>.
- Corbetta, R & Melin, M 2017, 'Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions', *Journal of Conflict Resolution*, July 27. <https://doi.org/10.1177%2F0022002717720754>.
- Cunningham, DE 2010, 'Blocking Resolution: How External States Can Prolong Civil Wars', *Journal of Peace Research*, vol. 47, no. 2, pp. 115-127. <https://doi.org/10.1177/0022343309353488>.
- Davis, DR & Moore, WH 1997, 'Ethnicity Matters: Transnational Ethnic Alliances and Foreign Policy Behavior', *International Studies Quarterly*, vol. 41, no. 1, pp. 171-184. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00037>.
- Findley, MG & Teo, TK 2006, 'Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach', *Journal of Politics*, vol. 68, no. 4, pp. 828-837. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x>.
- Gleditsch, KS & Salehyan, I 2007, 'Civil War and Interstate Dispute', in M Öberg & K Strom (eds.), *Resources, Governance and Civil Conflict*, London, New York, pp. 58-76.
- Gleditsch, KS, Salehyan, I & Schultz, K 2008, 'Fighting at Home, Fighting Abroad: How Civil Wars Lead to International Disputes', *Journal of Conflict Resolution*, vol. 52, no. 4, pp. 479-506. <https://doi.org/10.1177/0022002707313305>.
- Golubev, DS 2016, 'Diffusion of Internal Armed Conflicts through the Kermack-McKendrick Epidemic Model: Is the Conceptual Analogy Justified?', *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, vol. 6, no. 6A, pp. 7-17, (in Russian).
- Huibregtse, A 2010, 'External Intervention in Ethnic Conflict', *International Interactions*, vol. 36, no. 3, pp. 265-293. <https://doi.org/10.1080/03050629.2010.502447>.
- Jones, B 2017, 'Altering Capabilities or Imposing Costs? Intervention Strategy and Civil War Outcomes', *International Studies Quarterly*, vol. 61, no. 1, pp. 52-63. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw052>.
- Karlen, N 2017, 'The Legacy of Foreign Patrons: External State Support and Conflict Recurrence', *Journal of Peace Research*, vol. 54, no. 4, pp. 499-512. <https://doi.org/10.1177/0022343317700465>.
- Kathman, JD 2010, 'Civil War Contagion and Neighboring Interventions', *International Studies Quarterly*, vol. 54, no. 4, pp. 989-1012. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x>.
- Kathman, JD 2011, 'Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention', *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no. 6, pp. 847-876. <https://doi.org/10.1177/0022002711408009>.
- Lacina, B 2006, 'Explaining the Severity of Civil Wars', *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no. 2, pp. 276-289. <https://doi.org/10.1177/0022002705284828>.

- Lemke, D & Regan, PM 2004, 'Interventions as Influence', in PF Diehl & A Arbor (eds.), *The Scourge of War: New Extensions on an Old Problem*, Michigan, pp. 145-168.
- Maoz, Z & San-Akca, B 2012, 'Rivalry and State Support of Non-State Armed Groups (NAGs), 1946-2001', *International Studies Quarterly*, vol. 56, no. 4, pp. 720-734. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2012.00759.x>.
- Markedonov, SM 2008, 'Regional Conflicts Reloaded', *Rossiia v global'noy politike*, no. 5, pp. 92-106, (in Russian).
- Moore, WH & Davis, DR 1998, 'Transnational Ethnic Ties and Foreign Policy', in DA Lake & DS Rothchild (eds.), *The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation*, Princeton, NJ, pp. 89-103.
- Mumford, A 2013, *Proxy Warfare*, Malden, Mass., 180 p.
- Peksen, D & Lounsbury, MO 2012, 'Beyond the Target State: Foreign Military Intervention and Neighboring State Stability', *International Interactions*, vol. 38, no. 3, pp. 348-374. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.676516>.
- Quirk, PW 2017, *Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances*, New York. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-47419-9>.
- Regan, P 2002, 'Third-Party Interventions and the Duration of Intrastate Conflicts', *Journal of Conflict Resolution*, vol. 46, no. 1, pp. 55-73. <https://doi.org/10.1177/0022002702046001004>.
- Regan, P 2010, 'Interventions into Civil Wars: A Retrospective Survey with Prospective Ideas', *Civil Wars*, vol. 12, no. 4, pp. 456-476. <https://doi.org/10.1080/13698249.2010.534632>.
- Saideman, SM 2001, *The Ties That Divide: Ethnic Politics, Foreign Policy, and International Conflict*, New York, <https://doi.org/10.7312/said12228>.
- Salehyan, I 2010, 'The Delegation of War to Rebel Organizations', *Journal of Conflict Resolution*, vol. 54, no. 3, pp. 493-515. <https://doi.org/10.1177/0022002709357890>.
- 'UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook version 18.1' 2018, *Uppsala Conflict Data Program (UCDP)*, viewed 28 December 2018, <<http://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-181.pdf>>.
- 'UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 18.1' 2018, *Uppsala Conflict Data Program (UCDP)*, viewed 28 December 2018, <<http://ucdp.uu.se/downloads/#d3>>.
- Van Evera, S 1997, 'Nationalism and War', in ME Brown (ed.), *Nationalism and Ethnic Conflict*, Cambridge, Mass., pp. 36-60.
- Woodwell, D 2004, 'Unwelcome Neighbors: Shared Ethnicity and International Conflict During the Cold War', *International Studies Quarterly*, vol. 48, no. 1, pp. 197-223. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00297.x>.